ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

об отказе в принятии к производству ходатайства Алагушева Ахмата Киргизбаевича и Сыдыкова Нурбека Кудайбердиевича

26 октября 2026 года город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдыралиевой Б.А., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Маамыталы кызы К., руководствуясь частью 2 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании ходатайство Алагушева Ахмата Киргизбаевича и Сыдыкова Нурбека Кудайбердиевича.

Заслушав сообщение судьи Касымалиева М.Ш., исследовав ходатайство и приложенные к нему материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 23 сентября 2026 года поступило ходатайство Алагушева Ахмата Киргизбаевича и Сыдыкова Нурбека Кудайбердиевича о проверке соответствия абзаца второго части 7 статьи 124 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики (далее – УИК) статье 5, частям 2, 3 и 4 статьи 23, части 2 статьи 24, части 1 статьи 61, статье 94 и части 2 статьи 101 Конституции Кыргызской Республики (далее – Конституция).

Оспариваемое предписание устанавливает, что в строгих условиях содержатся осужденные за преступления террористического характера, экстремистской направленности.

В обоснование обращения заявители приводят обстоятельства исполнения приговора Первомайского районного суда города Бишкек от 10 июля 2025 года в отношении Шрейдера Павла Давидовича, осужденного к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. По их утверждению, назначенный приговором вид исправительного учреждения не предполагает автоматического установления строгих условий, между тем, осужденный был помещен в такие условия в исправительном учреждении на основании оспариваемой нормы, без отдельного судебного решения.

Заявители обращают внимание на содержательные различия между обычными и строгими условиями отбывания наказания в колонии общего режима. Они указывают на камерное содержание вместо проживания в общежитии, более низкий предел расходования денежных средств, сокращение количества краткосрочных и длительных свиданий, телефонных переговоров, ограничение возможностей передвижения, а также установление специального порядка ежедневных прогулок. По их мнению, совокупность данных ограничений существенно изменяет фактическое положение осужденного.

Основу правовой позиции заявителей составляет утверждение о том, что характер совершенного преступления не может служить единственным достаточным основанием для помещения лица в строгие условия отбывания наказания без индивидуальной оценки его поведения, степени исправления, личностных характеристик и конкретных рисков в исправительном учреждении. Они считают, что содержание и степень ограничений должны определяться в рамках уголовно-исполнительной процедуры при наличии законодательно закрепленных оснований, сроков, порядка пересмотра и механизмов обжалования.

Ссылаясь на статью 5 и статью 94 Конституции, заявители усматривают в оспариваемом регулировании отступление от принципа разделения властей. По их мнению, определение существенных ограничений

прав осужденного в процессе исполнения наказания должно происходить обязательно с участием суда, тогда как действие спорного предписания и его реализация непосредственно администрацией учреждения позволяют существенно изменять условия содержания без соответствующего судебного акта.

В связи с частями 2, 3 и 4 статьи 23 Конституции заявители утверждают, что спорное предписание не отвечает требованиям правовой определенности и соразмерности ограничения прав. По их мнению, законодатель не установил специальных критериев и процедур индивидуального определения строгих условий для рассматриваемой категории лиц, в том числе продолжительности их применения, условий изменения либо прекращения, объема полномочий принимающего решение органа и надлежащих процессуальных гарантий. Они полагают, что отсутствие указанных элементов обусловливает риск произвольного вмешательства в права осужденных.

Особое внимание в обращении уделено соотношению законодательного и подзаконного регулирования. Заявители указывают, что правила внутреннего распорядка и организационные решения администрации исправительных учреждений могут конкретизировать исполнение наказания, но не должны самостоятельно определять существенные дополнительные ограничения конституционных прав. В рассматриваемом случае, по их мнению, нормативное предписание фактически оставляет исполнительным органам возможность определять реальное содержание ограничений без необходимых законодательных ориентиров.

Обосновывая несоответствие части 2 статьи 101 Конституции, заявители ссылаются на обязательность вступившего в законную силу судебного решения и недопустимость изменения его содержания исполнительными органами. Они отмечают, что в силу уголовного и уголовно-процессуального законодательства приговор определяет наказание и вид исправительного учреждения, тогда как изменение последнего

допускается только в судебном порядке. По их утверждению, помещение осужденного на строгие условия в колонии общего режима фактически усиливает назначенный приговором порядок отбывания наказания без предусмотренной процедуры судебного контроля.

В обоснование нарушения части 2 статьи 24 Конституции заявители отмечают, что лица, впервые осужденные к лишению свободы и направленные в колонию общего режима, оказываются в различном правовом положении в зависимости от квалификации совершенного преступления. Они считают необоснованным применение к одной из таких категорий более строгого порядка содержания, не обусловленного нарушением дисциплины, индивидуальными особенностями либо установленной опасностью конкретного осужденного.

Кроме того, заявители полагают, что оспариваемое положение затрагивает гарантированное частью 1 статьи 61 Конституции право на судебную защиту. По их мнению, обязательность строгих условий в силу закона, отсутствие отдельного решения об их установлении, возможности своевременной проверки обоснованности соответствующих ограничений и эффективного их обжалования исключают полноценное судебное рассмотрение вопроса об объеме прав осужденного. В связи с этим они ставят вопрос о необходимости судебных гарантий при определении и последующем изменении условий содержания.

По совокупности изложенных соображений заявители просят признать абзац второй части 7 статьи 124 УИК не соответствующим вышеназванным конституционным установлениям.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителей и исследовав представленные материалы, приходит к следующим выводам.

1. Разрешение вопроса о принятии ходатайства к производству является самостоятельной стадией конституционного судопроизводства, на которой устанавливается наличие предусмотренных Конституцией и

конституционным Законом Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» оснований для рассмотрения обращения по существу.

На данной стадии Конституционный суд не разрешает вопрос о конституционности оспариваемого нормативного положения по существу, однако проверяет не только соблюдение установленных требований к обращению, но и достаточность приведённого заявителями конституционно-правового обоснования. В частности, подлежит выяснению, позволяют ли изложенные доводы выявить правовую неопределённость относительно соответствия оспариваемого нормативного регулирования Конституции, требующую разрешения средствами конституционного правосудия.

В соответствии с пунктами 8 и 9 части 4 статьи 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» заявитель обязан изложить свою правовую позицию по поставленному вопросу, привести соответствующие доводы и указать конституционные положения, с которыми, по его мнению, не согласуется оспариваемое нормативное регулирование.

Следовательно, одного лишь указания на предполагаемое ограничение конституционных прав, несогласия с установленным законом порядком регулирования либо описания неблагоприятных последствий применения нормы в конкретном деле, недостаточно. Приводимые доводы должны раскрывать содержание предполагаемого противоречия между оспариваемым нормативным положением и Конституцией, а также показывать наличие конституционно-правовой неопределенности, требующей разрешения Конституционным судом.

2. Законодательство Кыргызской Республики предусматривает несколько видов исправительных учреждений и различающиеся условия отбывания наказания в пределах одного и того же учреждения. Согласно статье 73 УИК исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии и тюрьмы. Исправительные колонии

подразделяются на колонии общего, строгого и особого режима; определение соответствующего вида учреждения связано с характером назначенного наказания, предшествующим отбыванием лишения свободы, наличием рецидива преступлений и иными установленными уголовным законом обстоятельствами.

Как следует из части 4 статьи 67 Уголовного кодекса Кыргызской Республики и статьи 73 УИК, в исправительных колониях общего режима по общему правилу отбывают наказание лица, впервые осужденные к лишению свободы на определенный срок, а также иные прямо названные законом категории. Колонии строгого режима предназначаются прежде всего для лиц, ранее отбывавших лишение свободы и вновь осужденных в предусмотренных законом случаях, включая рецидив; особый режим установлен для категорий осужденных, отличающихся предусмотренными законом характеристиками, в том числе при особо опасном рецидиве и пожизненном лишении свободы.

При этом вид исправительного учреждения не исчерпывает всей системы правового регулирования исполнения наказания. Частью 1 статьи 87 УИК допускается содержание осужденных в пределах одной исправительной колонии на обычных, облегченных и строгих условиях, предусмотренных соответствующим видом режима. Таким образом, законодатель различает внешний уровень дифференциации — выбор вида исправительного учреждения – и внутренний уровень — установление конкретных условий отбывания наказания в пределах указанного учреждения.

Изменение условий содержания в зависимости от поведения осужденного, соблюдения им установленного порядка и иных обстоятельств, связанных с исполнением наказания, составляет самостоятельный механизм уголовно-исполнительной индивидуализации. Согласно части 4 статьи 87 УИК перевод с одних условий на другие по основаниям, указанным в соответствующих статьях Кодекса, производится решением комиссии исправительного учреждения. Следовательно, участие указанной комиссии

относится прежде всего к предусмотренным законом случаям изменения условий содержания и не означает, что первоначальные условия каждой категории осужденных обязательно должны устанавливаться индивидуальным решением данного органа.

Такое построение уголовно-исполнительной системы свидетельствует о сосуществовании двух правомерных оснований дифференциации: объективных юридических обстоятельств, предшествующих поступлению лица в исправительное учреждение, и его поведения в период исполнения наказания. Вопреки предпосылке, содержащейся в ходатайстве, поведенческий критерий не является единственным допустимым основанием для законодательного разграничения условий отбывания лишения свободы.

3. Применительно к исправительным колониям общего режима системное содержание статьи 124 УИК имеет определяющее значение. Часть 1 данной статьи устанавливает, что на обычных условиях отбывают наказание осужденные, поступившие в соответствующее учреждение, **за исключением лиц, указанных в части 7**. В силу части 2 при отсутствии взысканий по истечении шести месяцев нахождения на обычных условиях осуществляется перевод на облегченные; часть 5 регулирует перевод со строгих условий на обычные по истечении шести месяцев при отсутствии взысканий за нарушение порядка отбывания наказания.

Специальное правило части 7 статьи 124 УИК предусматривает содержание в строгих условиях активных членов организованных криминальных группировок, в отношении которых прямо исключен перевод на обычные и облегченные условия, а также осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Поскольку последние охвачены исключением из общего правила части 1 и одновременно названы во втором абзаце части 7, их изначальное помещение в строгие условия является непосредственным следствием закона. Для установления таких условий не требуется отдельного решения комиссии

исправительного учреждения о применении дисциплинарного взыскания или дополнительного судебного акта.

Одновременно следует отметить, что установленный в первом абзаце части 7 прямой запрет перевода активных членов организованных криминальных группировок дословно не воспроизведен во втором абзаце в отношении осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Поэтому вопрос о последующем изменении условий их содержания не может разрешаться изолированным прочтением одного предложения. Он предполагает согласованное применение частей 1, 5 и 7 статьи 124 во взаимосвязи со статьей 87 УИК. Однако особенности возможного перевода, равно как законность отдельного решения либо бездействия администрации по соответствующему вопросу, не тождественны предмету заявленного конституционного контроля — нормативному основанию постоянного содержания в строгих условиях.

Тем самым, оспариваемое предписание не передает администрации исправительного учреждения полномочие по собственному усмотрению устанавливать новый вид режима или изменять его. Оно закрепляет непосредственно в законодательстве специальный вариант исполнения назначенного судом лишения свободы в пределах того вида колонии, который определен приговором.

4. Выбор законодателем специальных условий исполнения наказания не может оцениваться вне целей уголовно-исполнительного регулирования. Организация мест лишения свободы призвана обеспечивать не только исполнение приговора и исправление осужденных, но и безопасность находящихся в учреждении лиц, предупреждение противоправного воздействия на других осужденных, поддержание установленного порядка и создание условий для ресоциализации.

Преступления террористического характера и экстремистской направленности обладают особенностями, которые законодатель вправе учитывать при конструировании мер пенитенциарной безопасности, в том

числе при предупреждении вербовки, распространения насильственных установок, организации противоправных связей и иных угроз внутри исправительного учреждения. Речь идет не о презумпции совершения конкретным осужденным новых правонарушений и не о его дополнительном наказании за убеждения, а о законодательной оценке типовых рисков, относящихся к установленной уголовным законом категории преступлений.

Данный вывод находит подтверждение в пункте 4 части 3 статьи 79 УИК, предусматривающем изолированное содержание рассматриваемой категории лиц от других осужденных. Следовательно, специальный характер их помещения в строгие условия соотнесен с закрепленной в законодательстве самостоятельной задачей обеспечения раздельного содержания.

При существующей системе исправительных колоний лишь общего, строгого и особого режима законодатель вправе использовать внутреннюю дифференциацию условий в колонии общего режима, не прибегая по признаку характера преступления к изменению самого вида учреждения, назначенного судом, или же увеличения самих видов этих учреждений, что для государства может оказаться “неподъемным”.

При этом право законодателя устанавливать объективно обусловленные различия не означает неограниченной свободы в выборе ограничений. Специальные условия должны иметь разумную связь с легитимными целями, сохранять человеческое достоинство и не затрагивать сущность конституционных прав сверх необходимого. Однако доводы ходатайства сосредоточены преимущественно на недопустимости самого критерия характера преступления и отсутствии индивидуального решения, тогда как взаимосвязь указанного критерия с предусмотренной законом системой раздельного содержания, задачами предотвращения рисков и механизмами контроля не получает необходимого конституционно-правового опровержения.

5. Ссылки заявителей на правовую определенность, равенство и соразмерность ограничений также подлежат оценке в системе взаимосвязанных нормативных предписаний. Статья 125 УИК непосредственно определяет содержание обычных, облегченных и строгих условий в исправительной колонии общего режима, включая порядок проживания, пределы расходования денежных средств, количество свиданий, телефонных переговоров и продолжительность ежедневной прогулки. Тем самым существенные элементы специального порядка содержания закреплены законом, а не устанавливаются администрацией исправительного учреждения по свободному усмотрению.

Несомненно, строгие условия объективно предполагают более интенсивные ограничения, нежели обычные. Однако конституционный принцип равенства не требует идентичного правового режима для лиц, находящихся в неодинаковых юридически значимых обстоятельствах. Само по себе различие условий между впервые осужденными за преступления различных категорий не свидетельствует о дискриминации, если примененный законодателем критерий имеет объективную и разумную связь с целями исполнения наказания. В данном случае такая связь не является заведомо отсутствующей, принимая во внимание особый характер предусмотренных уголовным законом деяний и специальное правило о раздельном содержании.

Для постановки вопроса о несоразмерности заявителям следовало бы показать, какие именно конституционно защищаемые интересы ограничены сверх необходимого для достижения указанных целей, почему менее обременительные предусмотренные законом условия в сопоставимой ситуации обеспечивали бы требуемый уровень безопасности и в чем заключается конкретный дефект соотношения между публичным интересом и правовым положением осужденного.

Представленные материалы содержат описание реально существующих различий между условиями содержания и возражения против их применения

без индивидуального решения. Вместе с тем приведенная аргументация не раскрывает в достаточной мере, почему нормативная модель, в которой вид учреждения определяется судом, первоначальные условия конкретной категории – законом, а исполнение и предусмотренные переводы – уполномоченными органами, сама по себе выходит за пределы конституционно допустимой законодательной дифференциации.

6. Довод о нарушении принципа разделения властей и обязательности судебного решения основан на отождествлении вида исправительного учреждения с условиями отбывания наказания внутри него. Вместе с тем указанные юридические категории имеют различный предмет регулирования. Приговор определяет виновность лица, вид и срок наказания, а в установленных случаях – вид исправительного учреждения; порядок непосредственного исполнения лишения свободы регулируется уголовно-исполнительным законодательством.

Статья 80 УИК и часть 6 статьи 67 Уголовного кодекса Кыргызской Республики предусматривают судебный порядок изменения вида исправительного учреждения. Однако применение специальных условий содержания в исправительной колонии общего режима не означает перевода осужденного в исправительную колонию строгого режима. Оно не изменяет установленного судом срока лишения свободы, вида наказания или назначенного вида исправительного учреждения и потому не требует того судебного решения, которое законом предусмотрено для изменения последнего.

Принцип осуществления правосудия исключительно судом не исключает того, что законодатель устанавливает общие правила реализации вступивших в законную силу приговоров, а органы уголовно-исполнительной системы обеспечивают их исполнение. Напротив, разграничение полномочий между судебным установлением уголовно-правовых последствий совершенного деяния и административной организацией исполнения наказания составляет обычную форму реализации

принципа разделения властей при условии сохранения судебного контроля за законностью действий исполнительных органов.

Поэтому доводы о фактическом «ужесточении» приговора не позволяют сами по себе установить конституционно-правовую неопределенность в отношении статьи 5, статьи 94 и части 2 статьи 101 Конституции: содержание вступившего в законную силу судебного акта не пересматривается, а реализуется в условиях, предусмотренных нормативным регулированием исполнения соответствующего наказания.

7. Ссылка на отсутствие эффективной судебной защиты требует разграничения двух обстоятельств: установления общих условий содержания непосредственно законом и возможности судебной проверки конкретных действий или бездействия администрации исправительного учреждения. Конституция гарантирует судебную защиту, однако из этого не вытекает обязательность предварительного судебного решения применительно к каждому основанному на законе элементу порядка исполнения наказания.

Часть 3 статьи 36 УИК прямо закрепляет полномочие суда рассматривать жалобы осужденных и иных лиц на действия или бездействие администрации органов и учреждений, исполняющих наказания. Кроме того, часть 6 статьи 87 УИК предусматривает ведомственное обжалование решения комиссии о переводе в строгие условия в предусмотренных этой статьей случаях. Указанные механизмы различаются по предмету и основаниям, однако в совокупности опровергают тезис о том, что уголовно-исполнительное законодательство в принципе устраняет возможность проверки законности индивидуальных действий при исполнении лишения свободы.

При применении непосредственно установленной законом нормы предмет судебной защиты может заключаться в проверке принадлежности лица к предусмотренной законом категории, правильности применения правил исполнения наказания, соблюдения гарантированных Кодексом прав, а также законности конкретного отказа либо бездействия при решении

вопроса о предусмотренном законом изменении условий. Отсутствие отдельного решения о первоначальном помещении на строгие условия само по себе не свидетельствует об отсутствии юридически значимых вопросов, подлежащих судебной проверке.

Тем не менее заявители, утверждая необходимость обязательного судебного санкционирования специальных условий, не показывают, каким образом непосредственно оспариваемый абзац устраняет предусмотренный частью 3 статьи 36 УИК судебный контроль или исключает доступ к суду для защиты от незаконных действий при исполнении наказания. В указанной части конституционно-правовое обоснование сводится к предпочтению иной модели распределения полномочий, а не к выявлению необходимого противоречия части 1 статьи 61 Конституции.

8. Таким образом, обращение содержит конкретные обстоятельства, раскрывает неблагоприятные для осужденного последствия строгих условий и формулирует возражения относительно законодательного основания их установления. Вместе с тем указанные доводы не позволяют выявить такую конституционно-правовую неопределенность в отношении непосредственно оспариваемого нормативного положения, которая требовала бы разрешения дела по существу.

В частности, заявители не учитывают нормативно закрепленного разграничения вида исправительного учреждения и условий содержания в его пределах; специального исключения из общего правила первоначального помещения в обычные условия, установленного частью 1 статьи 124 УИК; наличия самостоятельных законодательных оснований раздельного содержания соответствующей категории осужденных; закрепления объема режимных ограничений непосредственно в Кодексе; а также предусмотренных законодательством механизмов индивидуального изменения условий и судебной защиты от неправомерных действий органов исполнения наказаний.

При этих обстоятельствах представленные правовые суждения не образуют достаточного основания для возбуждения конституционного судопроизводства. Такой вывод касается исключительно допустимости обращения и не представляет собой окончательного разрешения по существу вопроса о соответствии оспариваемого нормативного предписания Конституции. Ходатайство в соответствующей части не отвечает требованиям пунктов 8 и 9 части 4 статьи 27 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», что в силу пункта 1 части 3 статьи 30 указанного конституционного Закона является основанием для отказа в принятии его к производству.

На основании изложенного, руководствуясь частью 2 и пунктом 1 части 3 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. Отказать в принятии к производству ходатайства Алагушева Ахмата Киргизбаевича и Сыдыкова Нурбека Кудайбердиевича о проверке соответствия абзаца второго части 7 статьи 124 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики статье 5, частям 2, 3 и 4 статьи 23, части 2 статьи 24, части 1 статьи 61, статье 94 и части 2 статьи 101 Конституции Кыргызской Республики.

2. Возвратить заявителям представленные материалы.

3. Настоящее Определение является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ